

С(Башк)
С16

• Библиотечка башкирской поэзии

Г. САЛЯМ

БИБЛИОТЕЧКА БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ

Башкирское книжное
издательство Уфа — 1968

Г. САЛЯМ

Редакционная коллегия:

Х. Гиляжев, Н. Наджми,
Г. Рамазанов, А. Харисов,
Г. Хусаинов

Перевод с башкирского

А. КРОНГАУЗА

и

А. ФИЛИППОВА

Составитель *К. Ахмедьянов*

ЖИЗНЬ — ПОЛЕТ

Необычайное волнение испытываешь, читая эти стихи; вновь, в который раз, удивляешься власти поэзии, победившей время: пройдя через столько событий и исторических перемен в мире, через таких тридцать лет, она сумела остаться живой, трепетной, неприглушенной, остаться поэзией.

Стихи Г. Саляма были рождены пробуждающейся степью Башкирии, новью Урала. Двадцатые и тридцатые... Это было время героического перелета Чкалова, первых тракторов, вышедших из ворот первенцев пятилетки, первых самолетов и домн. Мы сейчас с восхищением и благодарностью вспоминаем эти далекие от нас годы с вершины юбилейного пятидесятилетия советской Родины.

Многое ушло и забылось, неузнаваемо изменились страна и люди. Так чем же нам дорога, чем так волнует нас поэзия тех далеких лет?.. Тем, что она обращена к людям тем, что она не кривила душой, тем, что храни-

ла неизменно секрет большого искусства: преданность народу и его интересам, любовь к родной земле, веру в наше великое дело. Именно этим волнует нас творчество поэтов революции: Владимира Маяковского и Мусы Джалиля, Владимира Луговского и Михаила Светлова. Этим заслужило такую долгую жизнь и творчество башкирского поэта Г. Саляма, которое переживает сейчас свое второе рождение.

Г. Салям (литературный псевдоним Саляма Галимовича Галимова) родился в 1911 году в семье муллы в деревне Таскино Кунашакского района нынешней Челябинской области. Вот из какой дальней дали, религиозного темного далека вышел романтически настроенный, окрыленный верой в будущее юноша в большую дорогу к свету. Верным проводником в нелегком его пути служила ему сама жизнь. Десяти лет будущий поэт остался без родителей. Окончив Аргаяшскую среднюю школу, он в 1928 году сам стал работать учителем начальной школы. Это было в духе нашей нови: получив знания, передавай их дальше. Казалось, вся страна участвует в этой светлой эстафете, позволившей в невиданно короткие сроки всему народу преодолеть огромный путь к знанию, к свету.

Боевое, активное сердце юноши жаждало деятельности — он стал селькором. Он рвался на передний край борьбы с прошлым. Мы знаем, что значило быть селькором в те годы, в годы ломки всего уклада деревенской жизни. Прошное отчаянно сопротивля-

лось новому, светлому, глядя из-за угла темными зрачками кулацких обреза. Но селькор не робеет, он становится профессиональным журналистом, работая с 1930 года в газете «Башкортостан».

Казалось бы, обычна и коротка биография Г. Саяма, но в одной его судьбе отразилась борьба партии за нового человека. Эта простая биография поражает емкостью и стремительностью. Его жажда к знаниям безгранична. В 1937 году закончил литфак Башкирского пединститута, в 1938 году поступил в аспирантуру Ленинградского филиала Института литературы Академии наук.

В жизни Г. Саяма с тягой к знаниям может соперничать только тяга к творчеству. В 1932 году выходит первый сборник его стихов «Тревога» — как точно и трепетно отражает в себе время это название. За первой следует вторая книга — «После тревоги». Затем поэмы: «Кречет», «Дитя» и «Сквозь годы», ставшая явлением советской башкирской литературы. Эта поэма поражает силой предвиденья, в ней поэт описывает будущие бои с фашистской Германией. Душой патриота и коммуниста Г. Саям так был слит со своим временем, так чутко улавливал каждое движение истории, что без труда заглядывал вперед.

И вдруг безвременная смерть обрывает эту замечательную жизнь-полет. В 1939 году после тяжелой болезни Саям Галимович Галимов умирает. Впрочем,

поэт Г. Саям продолжает жить. Его творчество оказалось неподвластным забвению.

Я читаю его стихи и вдруг чувствую: я ведь знаю его родного брата, его сверстника, я знаю очень похожую на эту русскую судьбу, очень близкую ему по духу другую душу поэта. Они рядом стоят передо мной. Этим братом Саяма для меня видится русский юноша, русский поэт Сергей Чекмарев, его ровесник, его земляк по башкирской земле.

Удивительное сходство биографий этих двух поэтов подчеркивает типичность их судеб: учеба, творчество, борьба за новую башкирскую деревню, ранняя смерть и долгая жизнь в памяти современников.

Поэт, чья жизнь была короткой, многого не успел написать. Но ощущение недосказанности придает его творчеству особую глубину, особое обаяние. Подкрепленный домыслом, любовью и фантазией читателей, рост его, кажется, не имеет границ. Это относится не только к Г. Саяму, но и к С. Чекмареву, и к Н. Отраде, и к П. Когану, и к М. Кульчицкому, и к Н. Майорову, и ко всем вечно молодым поэтам, чья жизнь была короткой, но жизнь их творчества — безгранична в памяти читателей.

Этот сборник — первая книга Г. Саяма на русском языке. Запоминающиеся переводы московского поэта Анисима Кронгауза и уфимского поэта Александра Филиппова доносят живую, неповторимую интонацию тех незабываемых лет.

Мих. Лукоии

ПЕСНЯ ЖИЗНИ

Сирень —
                    вдоль садовой дорожки,
Вдоль улицы —
                    строй тополей.
В лесу —
                    примеряет сережки
Березонька, снега белей.

Прозрачной струей родниковой
Вокруг перелесок звенел.
Никто от напитка такого
Сильнее меня не пьянел.
Я — молод.
А этому цену
Мы в юности можем забыть.
Но молодо, самозабвенно

Только, сердце мое, не старей,
Не ищи под глазами теней,
И не думай,
Что я изнемог.
Я пройду еще с Музой своей
Десять жизней
И сотни дорог!

ЧЕРЕЗ КРЫШУ МИРА

Реке в половодье тесны берега,
А людям земные широты тесны,
А людям иные высоты нужны.
Совсем, как из русла выходит река, —
Идут самолеты, посланцы весны,
Над льдами,
Не таявшими века,
Крылатые вестники нашей страны
Легко поднимаются за облака,
Несут через полюс ее красоту,
Мильонов людей вековую мечту.
Отвагу и гордость несут они ввысь,
Свободу и силу несут они вдаль.
...Отважные люди на полюс рвались,
Но сопровождала всегда их печаль.
Живые и в поисках жизни брели

На полюс —
На край и вершину земли.
Живые, они направлялись туда.
Назад мертвецы возвращались всегда,
Их всех поглотило безмолвие льда.
Да... Полюс — и холод,
Полюс — и голод,
Полюс — и смерть, и беда.
Поэтому как же вдвойне и втройне
Сейчас не гордиться героями мне,
Которые, полюс для нас покорив,
О гибели древний развеяли миф,
Витавший над полюсом,
Грозный и злой...
Пусть слава героев в веках прогремит:
Чкалов — герой,
Водопьянов — герой,
Герой Отто Юльевич Шмидт.
И подвиги их не оденут в гранит —
Их славе с годами расти и расти.
Хотя бы мечтою пройти их пути,
Хоть песней коснуться —
На крыльях строки
Взлететь над безмолвием вечной пурги!
Мечта б, заблудившись, вернулась назад —
Над полюсом только герои летят.
К таинственным тем не пробиться местам
Ни солнца лучам,

Ни стихам,
Ни мечтам.
О тех, кто отважился там пролететь,
При жизни слагаются строки легенд.
Отважиться мог на такое один,
Владеющий силой чудесной, храбрец,
Герой, у которого бьются в груди
Сто семьдесят миллионов сердец.
Не эта ли сила вела нас в Кронштадт,
И был Перекоп этой силою взят,
С героем на полюс она поднялась,
Вела эта сила на подвиг не раз,
Частица той силы есть в каждом из нас,
На наших полях и в наших цехах,
И в наших делах и в наших стихах.
А к полюсу птиц провожали стальных
Сто семьдесят миллионов глаз.
И каждого сила умножилась в них
В сто семьдесят миллионов раз!

УТРО РЕСПУБЛИКИ

|

Поезда несутся мимо, мимо,
Будоража громом белый свет.
Я гляжу:

**Встает неугасимо
Над моей республикой рассвет.**

**Медленный туман в седых озерах
Мочит лебединое крыло.
Озаряя сказочные горы,
Солнце над Башкирией взошло.**

**Веет ветер и колышет травы,
Голубеет бельская вода.
И встает республика
Со славой
Встретить день горячего труда.**

**Окна — настезь!
Песня над лесами,
И труба фабричная гудит;
Где-то скалы вздыбил динамит,
Лишь земля качнулась под ногами.
Будто содрогнулся весь Урал...
...По спине моей пошли мурашки,
В сторону — тетради и бумажки!
Просто я, наверное, устал,
Просто засиделся над стихами,
Зашалили нервы у меня...**

**А вокруг работа не стихает,
Молодежь торопится, шагает**

С песнями
Отчаянней огня.
Слышу, как поют вокруг колеса,
Вижу, как в разбуженной дали
В море золотящихся колосьев
С головой уходят корабли.

Входит день
Крылом аэроплана,
Песней плуга,
Гулом тракторов
В строки нерожденного романа —
По объему
В тысячу томов.

Звуки не вмещаются в кантаты,
Виды не вмещаются в плакаты:
Не хватает красок, слов и нот...
Утренняя песнь,
Под облака ты
Улетай решительно в полет.

II

Вижу я,
Республика,
И слышу, —
Будоражат сказочную даль

**Бьющие фонтаны нефтевышек,
Молнии сплошных электровспышек
И в мартенах огненная сталь.**

**Где веками плакали кураи,
Города и фабрики встают,
Димитровы снова подрастают,
Чкаловы великие растут.**

**...Было не смешно,
Когда на старых,
Обветшалых и прогнивших нарах
Утомленно мы ложились спать.
Хорошо, что заменила нары
Мягкая, с пружинами, кровать.
Хорошо с электролампой, право,
Хорошо, когда везде поют...
Сами мы завоевали право
На веселый отдых
И на труд.
Тропы счастья
Мы нашли не сразу,
Мы искали много лет и дней;
Осветил нам эти тропы разум,
Светлый разум
Партии моей.**

В новый день труда
Вошла страна...
Этот день
В горах завод построит
И на грудь заслуженных героев
Новые повесит ордена.

День грядет.
Он даст дома бездомным,
Молоко нальет в бидон бездонный
И стихи напишет сгоряча,
И положит в начатую домну
Порцию литого кирпича.

Кто-то нынче институт окончит,
Кто-то песню новую споет,
Кто-то станет токарем иль зодчим,
Кто-то в загс с любимой придет.
...Я стою в степи необозримой,
За составом — молнией состав.
Поезда несутся мимо, мимо,
Косы дыма в травах распластав.
Вдоль аулов,
Вдоль Уральских склонов

Поезда — дорогою стальной.
Девушка
Из тамбура вагона
Машет мне
Косынкой голубой...

IV

Машинист, замедли бег машины,
Медленнее мимо проезжай,
Пусть посмотрят лучше пассажиры,
Как он светел,
Наш рассветный край.

Пусть услышат,
Как башкир читает
Пушкинских стихов оригинал,
Пусть «немым» башкира не считают,
Как когда-то Пушкин посчитал.
Пусть увидят
Наш полет высокий,
Устремленный в будущность веков,
И узнают:
Край наш — это сокол,
Вырвавшийся гордо из оков.

...Промелькнул и скрылся паровоз,
Уронив с пологого откоса
Трепетно-оранжевые косы
К снежно-белой роздыми берез.

Я опять
К горам Уральским вышел,
Ближе к небу —
Синева ясней:
— Высоки вы, горы,
Но не выше
Пробужденной радости моей!

1936

МОСКВА

Ушла в былое старая Москва:
Мундиры, купола, колокола.
Все увидали:
Старая — мертва,
А из подвалов новая взошла,
Былых «друзей» врагами нарекла,
Былых «врагов» в друзей произвела.
Провозгласила:

Главное для нас —
Не родственная нация,
А класс.

Провозгласила новая Москва:
«Довольно бедняку быть бедняком!
На улице круши забор, братва,
Ворота опрокидывай с замком!»
Назначила башкирам Совнарком,
Назначила татарам Совнарком,
Провозглашая бедняков права,
Ленина Москва,
Новая Москва.

Бедняк-якут,
Бедняк-казах теперь,
Как братья нам —
Перевернулся мир,
А богатеи любой, что лютей зверь,
Представьте, если даже он башкир.
Казань и Киев, Самарканд, Уфа —
Сроднились под твоим крылом, Москва.
Кто чародей?
История, не ты ль?
Но это все не сказка.
Это — быль!

1936

Какой народ,
        подобно моему,
С величьем памятника вровень!
Сыны какие,
        освещаая тьму,
Выходят из-под наших кровель!

И сердцем человечеству
Ильич
Подарен был моим народом.
И партией моей
Был брошен клич
И был зажжен маяк свободы.

У моего народа Пушкин есть
И Горький —
        гордый буревестник,
Герой Чапаев, —
Всех не перечестъ, —
Чайковский —
        музыки кудесник.

У нас — канал
        голубовато чист,
Гранит метро
        и юн и вечен.

И пионер недавний —
Пианист
Всемирным конкурсом отмечен.

И зорек
Пограничный наш дозор,
Как говорится,
«На замке — граница» .
И вандалов,
Несущих нам разор,
Карающая ждет уже десница.

Ступеньками неповторимых буден
Народы наши к солнцу поднялись.
Нам, в самом деле,
«памятником будет
Построенный в боях социализм» .

1937

ПОВЕРКА

(Б а л л а д а)

Третий взвод отважно бился
На передовой.
И противник откатился
Вспять, едва живой.

Озеро Хасан — как зеркало.
Солнце сопку жжет.
После боя на поверку
Вышел третий взвод.

— Первый...
— Пятый...
— Тридцать третий... —
Словно стук сердец.
— Взвод неполный! —
Вдруг последний
Выкрикнул боец.

Из палатки, громче стонов,
Продолжая счет,
Раненый боец Сафронов
Крикнул:
— Полный взвод! —
Был он ранен в жаркой схватке
Вражеским свинцом.
Повернулись к санпалатке
Головы бойцов.

Словно он вернулся снова
В строй,
Здоров и смел.
Хоть потом уже ни слова
Молвить не сумел...

САМУРАЙ И ЕГО ГОСПОДИН

(Баллада)

В стране восходящего солнца
Живет господин.
Заводами, землями всеми
Владеет один.

Сокровища — неисчислимы,
И все же нужны
Еще господину богатства
Соседней страны.

Он зарится с берега моря
На землю труда,
Где золото, уголь, алмазы,
Пшеница, руда.

— Готовы мои самураи? —
Богач заорал.
И в комнату с низким поклоном
Вошел самурай.

Вскричал господин:
— Не жалейте
Полков, батарей.

**Захватим Советскую землю!
Идите скорей!**

**Безлунная ночь наступила,
Волна улеглась,
Но артиллерийская буря
В ночи поднялась.**

**К утру самурай возвратился,
Японии сын.
— Немало земель захватили? —
Спросил господин.**

**— Немало! —
Ответствовал воин. —
— Осталось во мгле
Полвойска, солдат половина
На этой земле!**

**Сказал господин:
— Самурай
Сражались не зря.
Где наших солдат половина —
Там наша земля!**

**Пока самурай объясненья
Точнее искал,
Вскричал господин:**

— Поздравляю! —
И поднял бокал.

— Побольше земли захватите,
Минут не теряй! —
Невесело, с низким поклоном
Ушел самурай.

Едва только ночь наступила
И солнце зашло,
Внезапно на западе стало,
Как в полдень, светло.

Оттуда к утру возвратился
Японии сын.
— Немало земель захватили? —
Спросил господин.
— Немало, —
Ответствовал воин, —
— Средь этих земель
Три четверти нашего войска
Осталось теперь.

Опять господин засмеялся,
Героев хваля:
— Где наши три четверти войска —
Там наша земля!

Немедленно я собираюсь
И еду туда,
Где золото, уголь, алмазы,
Пшеница, руда. —

Бледнея,
С нижайшим поклоном
Сказал самурай:
— Не стоило б вам, повелитель,
Спешить в этот край! —

Тогда господин возмутился:
— Что мелешь ты мне?
Там войско мое, самураи
На этой земле.

Поник самурай виновато.
— От дома вдали
Всего на солдата по метру
Досталось земли.

Я вас огорчу, повелитель,
Деталью такой:
Там не на земле самураи,
А все — под землей.

Неизвестно:

Он бурил породу,

Иль поля распахивал весной?

Неизвестно:

Шел он на работу

Иль домой с работы в час ночной?

Конюхом он был

Иль звероловом,

Инженером иль учеником —

Парень не обмолвился ни словом,

И никто не спрашивал о том.

За тропой

Таинственно, без света,

Перед ним раскинулась тайга.

Ночь стихом звучала для поэта

И не для поэта.

Ритм стиха

Жил в ночи,

Угадывались ямбы.

Было хорошо под них идти

Парню по тропинке возле дамбы,

Возле уссурийского пути.

Только вдруг у насыпи песчаной —

Чей-то шепот и теней разбег.

«Что там, —

Он не разобрал сначала, —

Лиственница или человек?»

— Кто такие? —

Он нетерпеливо

Закричал. — Остановитесь, ну!.. —

Побежал вперед.

Но эхо взрыва

Потрясло ночную тишину.

Уши словно залепило ватой,

Будто бы кинжал вонзился в грудь...

Взрывом развороченный, разъятый,

Он перед собой увидел путь.

Но подумал он не о погоне.

Вздрагнул он

На ближнем перегоне,

Не подозревая ничего,

Спят сейчас в стремительном вагоне

Земляки, сограждане его.

Пограничник, пионер, ученый,

Может, сердцем избранный поэт

Спит в купе,

На гибель обреченный.

Ночника подрагивает свет...

Тишина в вагонных коридорах...

Стекла мутноваты, как слюда...

Сотни близких!

Кто из них не дорог?

Тысячи товарищей, которых

Он еще не видел никогда.

Смерть уже им заготовил враг.
Кружится уже над рельсом ворон.
Поезд приближается сюда.
К сыну мать спешит из дальней дали,
В дом отцовский едет в отпуск сын...
Он бы крикнул, если б услышали.
Помахал бы, если б увидали.
Только — темнота.
И он — один.
Гул какой-то...
Неужели поезд? —
Не увидел, поглядев назад.
Нарастает гул в ушах прибоем,
Кровь стекает, застилая взгляд.
Струйку на щеке нащупал пальцем.
Распрявиться удалось едва.
Показалось:
Мир уже распался.
Голова — в крови,
Но мысль трезва.
Страшную предчувствуя угрозу,
Не свалился у разбитых шпал,
А во мглу навстречу паровозу,
Он, собрав все силы, зашагал.
Темнота плыла,
Лишь из-за тучи
Глазом паровоза свет луны,
Да покачивается могуче

В небе крона вековой сосны.
«Что ж, сосна, луну на иглы ловишь,
Слушаешь полуночную тишь,
Поезда в пути не остановишь,
Машиниста не предупредишь?
Отчего, сосна, стоишь безмолвно,
Ветку приподняв, как семафор?..»
Только ноги подломились словно,
И застлало пеленою взор.
Падает...
Встает...
Опять шагает...
«Не останавлиюсь, пока дышу!» —
Останавливается, шатаясь...
Падает...
«На рельсах я лежу,
Значит, веру потерять не смею,
И еще надежда есть одна —
Смерть моя спасет людей от смерти,
Если кровь, как семафор красна.
Пусть умру!
Но жить, останусь в людях,
С ними на заводах, на постах.
Кровь моя
В их жилах биться будет,
А мое дыханье — на устах».

В карауле — вековые сосны.
Он — на рельсах.
И на всех парах
К человеку приближался грозно
Поезд с паровозом в головах.
Говорят, в беспамятстве он смел
Встал навстречу из последних сил,
Был раздавлен...
Но своею смертью
Все-таки состав остановил.
Вышли из вагонов пассажиры.
«Что случилось?» —
Невдомек одним.
А другие парня окружили
И склонили головы над ним.
Неизвестно:
Он бурил породу
Иль поля распахивал весной?
Неизвестно:
Шел он на работу
Иль домой с работы в час ночной?
Кто с ним попрощался, расставаясь,
И кому дожидаться не дано
Сына, жениха?..
Оставь, товарищ,
Парень не ответит все равно.
Головой лежит он на металле.
Стихло все:

И взрыв, и гром, и гам...
В душах пассажиров клочкотали:
Благодарность к парню, гнев к врагам.
Гнев к врагам
В сердцах кипел, неистов;
«Вот бы диверсантов тех найти,
Что...»
Уже навалились на чекистов
Возле уссурийского пути.

1938

В ПУТИ

Поезд мчится на Урал
Вдоль лесной полосы.
Пассажиры влипли в окна —
Порасплющили носы.
А на верхней полке спит
Кто-то сутки подряд,
А другой читает книгу.
Остальные говорят:
— Еду я отдыхать
На курорт, на Кавказ...
— Возвращаюсь я с Кавказа,
Был у моря первый раз,
На курорт, на Кавказ...
Окунался в волну,

Видел горную даль,
Ну, а ты, сосед?..
— Колхозу
Покупал я инвентарь.
— Ну, а ты где была,
Ждем, соседка, ответ?
— Я везу запасы кофе
В ашхану и буфет.

Пограничника путь —
На Восток из Москвы.
Он у девушки-соседки
(Яблоки в вагонной сетке)
Спрашивает:
— Ну а Вы?
— Я в Магнитку тороплюсь,
Я уже инженер. —
И у дедушки спросила:
— Ну, а Вы, например?
— Ну, а я, например, —
Дед провел по усам, —
Тороплюсь сейчас в Магнитку,
Сын — директором там.
Не был дома лет пять,
Видно, дел — вороха!
Пригласил теперь на свадьбу.
Что еще за сноха?..

Не заметил старик,
Что от сказанных слов
Вдруг лицо его соседки
Яблоком в вагонной сетке
Зарумянилось с боков.
Так старик был похож
На ее жениха...
Думал торопясь на свадьбу:
«Что еще за сноха?..»
Каждый человек спешит
К свадьбе, в поле, на завод —
И кто спит,
И кто читает
Даже сутки напролет.
Удивительный народ!
ЦИКа член,
Месткома член,
И колхозник, и солдат,
Академик, зоотехник —
Одинаково спешат.
А пока что понемногу,
Чтобы скоротать дорогу,
Говорят, говорят.
— Я, к примеру, был вчера
У Калинина в Кремле.
— Ну, а я в метро спускался,
Там не то, что на земле. —
До меня дошел черед:

— Ну, а ты?

И я в ответ:

— Я везу в свою деревню

Из Москвы велосипед. —

Слышу голос подает

Мальчик, ростом с чемодан:

— К бабушке мы едем с мамой,

Мне купили пароход,

А хочу аэроплан.

Обещала мама сшить

Белый парус кораблю.

Только он летать не будет,

Самолет себе куплю. —

С грохотом бежит состав

Возле гор, между гор,

Что открыли для состава

Коридор, коридор.

Все торопятся в вагонах

Пролететь страны простор.

И невеста, и шахтер,

И колхозник, и солдат,

И буфетчица-девчонка —

Все спешат, спешат, спешат.

Машинист, давай быстрее

Довези до места, брат!

Пограничный дозор,

Орудийный расчет

Ожидают, ожидают.
Домна ждет.
Шахта ждет.
Ждет колхоз.
Свадьба ждет,
Ашхана и буфет...
Машинист, вези быстрее —
Ни минутки лишней нет!

1935

СЛУЧАЙ В ПОЕЗДЕ

Длится разговор дорожный долгий.
Все в блокнот, как было, занесу:
Двое молчунов на верхней полке,
Двое разговорчивых внизу.

Начинался (я забыть смогу ли?)
Разговор обычный путевой...
Первый поклонился:
— Гарифуллин.
— Шарафи, —
Представился второй.

Посмотрел в окно вагона первый:
— Позади хребет Уральских гор.

И второй не спорил:
— Это верно,
Деревень ряды «ласкают» взор!

Гарифуллин молвил:
— Что за диво
Осенью — распутица, дожди.
Летом здесь, возможно, и красиво,
Но позднее красоты не жди!
Зимовать — медведями в берлоге...
Разве можно с городом сравнить.—
Шарафи, смотря в лицо дороге,
Тихо отозвался:
— Может быть...

Но не унимался Гарифуллин,
«Окрыляясь» истиной такой:
— Человек в деревне некультурен,
И теряет облик городской.
Я, окончив курсы счетоводов,
Мог себя в деревне погубить....
Шарафи сказал, присев поодаль,
Неопределенно:
— Может быть.

Гарифуллин, видимо, задира —
Спорит, занавеску теребя:

— Ну, возьмем в деревне бригадира,
Что он представляет из себя?

Мой сосед смотрел не без укора,
Ждал, что разгорится жаркий спор.
Но внизу не получалось спора —
Шел единодушный разговор.

И второй, хотя и без задора,
Первому помог ругать село...
Только радио из коридора
Арию «Русалки» донесло.
Гарифуллин молвил:
— Что за чудо!
Вот Бетховен, молодец старик! —
Согласился Шарафи:
— Покуда
Нет у русских музыки и книг.

Тут сосед мой, наклонившись низко,
Потеряв терпение, сказал:
— Русский композитор Даргомыжский
Арию «Русалки» написал. —

Замер разговор дорожный долгий,
Словно стал, как судно, на причал.
И умолкли двое с нижней полки,
И сосед мой — с верхней — замолчал.

Семафоры медленно кружили,
Мимо пропуская поезда.
Старые сходили пассажиры,
Новым уступив свои места.

Лишь четверка наша не менялась.
Слышим стук:
— Передвижной буфет.
Вот консервов баночка осталась,
Лучше астраханской кильки нет! —
Баночку открыли два соседа,
Водрузили посреди стола.
И почти погасшая беседа
Вновь былую живость обрела.

Шарафи сначала был нахмурен,
Но повеселел, консервам рад:
— Астрахань, товарищ Гарифуллин, —
Рыбная столица, говорят?

Гарифуллин репликой ответной,
Сохранив невозмутимый вид,
Подтвердил вполне авторитетно:
— На Днепре ведь Астрахань стоит!

Шарафи воскликнул:

— Слава богу, —

Чтоб беседы не порвалась нить, —

Я едал днепровской рыбы много, —

И еще добавил: —

— Может быть...

И опять сосед мой с верхней полки

Все-таки вмешался в разговор:

— Астрахань стоит на Нижней Волге

Я, признаться, думал до сих пор.

Гарифуллин глянул удивленно,

Шарафи консервы ел в тени.

И беседа смолкла.

А в вагонах

Вспыхнули вечерние огни.

Замер разговор дорожный долгий,

Словно стал, как судно, на причал.

И умолкли двое с нижней полки,

И сосед мой — с верхней — замолчал.

Семафоры медленно кружили,

Мимо пропуская поезда.

Старые сходили пассажиры,

Новым уступив свои места.

И сосед мой с верхней полки тоже
На разъезде взял свой чемодан.
Гарифуллин вдруг спросил:
— Похоже,
Кончив ВУЗ, на практику сюда? —
Но сосед поправил:
— Сын — историк,
Я же сам — колхозный бригадир,
Получив путевку в санаторий,
Отпуск на Кавказе проводил.
Есть в селе у нас Дворец культуры,
А еще луга и соловьи!
Так-то вот, товарищ Гарифуллин,
Так-то вот, товарищ Шарафи...

ОСТАЛИСЬ КИПАРИСЫ

|

Помахало белопенным гребешком,
Провожало гостя море, —
Помнишь, Крым, —
Словно девушка в наряде голубом.
Мне платком
Вослед махало кружевным.
Пусть на память ни цветка не увозил,

С этим краем не расстанемся уже:
В сердце
Золото песка я увозил,
Горы,
Моря синеву
Унес в душе.
Никогда не позабуду солнца жар.
Пляж песчаный нагревало добела,
И, вонзая в побережье
Луч-кинжал,
Покрывало позолотою тела.
А едва сменялся ночью знойный день
И всходила над просторами луна,
Кипарисовую перистую тень
Принималась чуть покачивать волна.
Я уехал.
Но уверен, что нигде
Никогда не позабуду тех минут:
Словно тени, отраженные в воде,
Кипарисы
У меня в душе живут.

2

Поезд мчится.
Вдоль состава, черно-бел,
Дым летит...

А перед взором — моря гладь.
Видно, то, к чему душою прикипел,
Не забыть, не заслонить, не оторвать.
Где ты, Валя-Валентина, медсестра,
Та, которую я в памяти унес,
К нам в палату заходившая с утра.
«Как здоровье?» —
Повторявшая вопрос.
Я увез тебя в душе,
Как кипарис —
В окруженьи голубых, скалистых гор.
Почему воспоминания зажглись
Вдруг в Самаре —
Не пойму я до сих пор?
Перенесся в черноморские края,
Словно к Вале возвратился —
Оттого,
Что в Самаре на перроне видел я
Двух влюбленных,
Не выдавших никого.
Целовались на глазах у всех они —
Видно, парень был решителен и смел.
Я же к Вале,
Хоть стояли мы в тени,
И губами прикоснуться не посмел.
Не вернуть —
Ни то прощание, ни Крым...
Я не понял:

Валя в платье голубом
Мне платком
Вослед махала кружевным
Или море белопенным гребешком?..

3

Бежал состав...
И пролетело
В окне немало разных мест.
Своей рубашки ближе к телу —
Земля, лежавшая окрест.
И нас, во всем осеннем блеске,
Встречать и провожать пришли
Луга, леса и перелески,

Колосья, листья, ковыли.
Бежал состав...
И в небе таял
Дым паровозный без следа.
Летела к югу птичья стая, —
Откуда ехал я туда...

Всегда птенцов выводят птицы
И облетают целый свет.
А мне когда-нибудь случится
Подругу встретить или нет?

Пока ж мы с ней не повстречались,
Со мною делят, как семья,
Все радости
И все печали
Стихи и верные друзья.

* * *

Год Эльмире...
В год ребенок
Начинает все с азов.
Позовешь —
Как медвежонок,
Медленно бежит на зов.

Если спросишь:
— Где Эльмира? —
Пальцем в зеркало стучит:
— Дядя, вот тебе Эльмира! —
У нее счастливый вид.

Перепахканная сажей,
Щечка девочки черна.
Но от этой сажки — даже
Веселей еще она.

Если скажешь:
— Где бродила,
Где ты щечку подсурьмила,
Пересмешница моя? —
Головой мотнет Эльмира:
— В зеркале совсем не я!

1939

С о д е р ж а н и е

Жизнь — полет. <i>М. Луконин</i> . . .	3
Песня жизни. Перевел <i>А. Кронгауз</i>	7
Сердце мое. Перевел <i>А. Кронгауз</i>	9
Через крышу мира. Перевел <i>А. Кронгауз</i>	10
Утро республики. Перевел <i>А. Филиппов</i>	12
Москва. Перевел <i>А. Кронгауз</i> .	18
Памятник. Перевел <i>А. Кронгауз</i>	20
Поверка (баллада). Перевел <i>А. Кронгауз</i>	21
Самурай и его господин (баллада). Перевел <i>А. Кронгауз</i>	23
Жизнь. Перевел <i>А. Кронгауз</i> . .	27
В пути. Перевел <i>А. Кронгауз</i> . .	32
Случай в поезде. Перевел. <i>А. Кронгауз</i>	36
Остались кипарисы. Перевел <i>А. Кронгауз</i>	41
Год Эльмире. Перевел <i>А. Кронгауз</i>	45

Г. С а л я м
ИЗБРАННАЯ
ЛИРИКА
(„Б-чка башкирской поэзии“)

В. А. Т р у б и ц ы н
Художественный редактор

В. Д. Д и а н о в
Художник-оформитель
Р. Г. Г у м е р о в

Технический редактор

Г. К. З и г а н г и р о в а
Корректор Н. А. Б р а г и н а

Сдано в набор 1/VIII 1967 г.
Подписано к печати 30/X 1967 г.
Формат 60×90^{1/32}. Физ. печ. л.
1,5. Уч.-изд. л. 1,52. Тираж
50 000 экз. П04407. Изд. № 101.
Заказ № 631. Бумага литограф-
ская. Цена 16 коп.

Башкирское книжное
издательство
Управления по печати при
Совете Министров БАССР,
г. Уфа, улица Советская, 18.

Уфимский полиграфкомбинат.
Управления по печати при
Совете Министров БАССР,
г. Уфа, проспект Октября, 2.

Цена 16 коп.

УФА ● 1968